

ДВОРЦОВО–ПАРКОВАЯ АРХИТЕКТУРА В СТОЛИЦАХ КОГУРЁ И БОХАЯ*

Максим Александрович СТОЯКИН,
магистрант университета Корё (кафедра «Археологии и искусства»), Чочхивон Сочханни,
пров. Южная Чхунчхон, Республика Корея.
E-mail: stake-14@yandex.ru

На основе археологических и письменных источников автор выделяет характерные особенности дворцовой парковой архитектуры в Когурё и Бохэе, отмечает влияние китайской архитектуры в расположении дворцовых построек, следовании правилам геомантии. Прослежены и самобытные черты, такие как галереи, исполнявшие роль стен, а также расположение и размеры парков.

Ключевые слова: Когурё, Бохай, садово-парковая архитектура, столица, Северо-Восточный Китай, КНДР.

PALATIAL AND PARK ARCHITECTURE IN KOGURYO AND POHAI CAPITALS

M.A. Stoyakin, an undergraduate student at Korea University (Archaeology and Art department) 208 Seochang-dong, Jochiweon-up, Chungcheongnam-do 339—700, Democratic People Republic of Korea.

The author has found characteristic features of Koguryo and Pohai palatial and park architecture, using archaeological and narrative sources. It is supposed to think that there was much influence of Chinese architecture ideas. So, one can see similar location of palatial buildings and geomancy rules there. But there also original features, such as one more function of gallery, the other location of park architecture, significant small size.

Key words: Koguryo, Pohai, palatial architecture, park, capital, North East China, DPRK.

Дворцовая и садово-парковая архитектура — это важный элемент традиционной и современной культуры стран Дальнего Востока. Однако памятников древнего и раннего средневекового зодчества в регионе сохранилось крайне мало. В литературе есть описание садов, расположенных на юге Корейского полуострова [1, 2001]. Когурёская и бохайская дворцово-парковая архитектура на территории современных КНДР и северо-восточных провинций КНР исследована слабо. В то же время изучение древней и средневековой дворцовой и садово-парковой архитектуры важно для раскрытия социальной истории государств и культуры элитных слоёв общества, развития архитектурной и эстетической мысли.

* Работа выполнена в рамках тематического плана (НИР 1.5.09) и АВЦП «Развитие научного потенциала ВШ (2009—2011 годы)» (проект РНП.2.2.1.1/13613) Минобрнауки.

Долгое время столицей Когурё был Куннэ (городище Гонэйчэн) на р. Ялуцзян (г. Цзиань пров. Цзилинь КНР). В ходе раскопок в центре города найдены остатки четырёх дворцовых зданий, каждое длиной 12—14 м (рис. 1), окружённые галереями с каменной стеной. Их крыши, вероятно, покоились на кирпичной кладке, а не на столбах. Находки кирпичей ступенчатого типа могут указывать на вход с арочным проёмом. Крыша была покрыта черепицей красного цвета и украшена концевыми дисками с лotosовым узором, пол внутри здания и части галереи вымощен кирпичом. В северной части одной из построек сохранились остатки сооружения наподобие кана Г-образной формы. Комплекс датирован не ранее 338 г. [Гонэйчэн, 2004, с. 186—188].

В 15 км от этого городища у р. Тунгоу находятся остатки горной крепости Ваньду, которую некоторые исследователи соотносят со столицей Хвандо. Китайскими археологами в его центре обнаружены остатки крупного сооружения (рис. 2). Предполагается, что это летний дворец, так как в нём отсутствовала система отопления. Найдены образцы черепицы с иероглифическими надписями, черепичные диски с изображением морд животных, с лotosовым и жимолостным растительным орнаментом [Ваньду шанчэн, 2004, с. 188—189].

В 427 г. столица Когурё была перенесена в Пхеньян, усиливалась экономическая и политическая мощь государства, активизировался культурный обмен с Китаем, развивались архитектура и строительство. Развалины дворцового города когурёских ванов Анхаккун (рис. 3.) находятся в 16 км к северо-востоку от современного г. Пхеньяна. В 800 м севернее располагалась горная крепость Тэсон. На юге Анхаккун защищала р. Тэдонган, на востоке и западе — её притоки [Воробьёв, 1961, с. 85].

Городище в плане близко к ромбической форме со стороной 622 м и площадью около 380 тыс. м² [Пан Хакпон (а), 2006, с. 193]. Вдоль стен располагались внутренний и внешний рвы. Крепостной вал облицован камнем. По центру каждой из сторон обнаружены остатки ворот: в южной — трое ворот с шириной проёма до 48 м и длиной по толщине стен — около 18 м. Центральные ворота были главными. В северной и южной стене прослежены «шлюзы», откуда излишки воды выводились за пределы города. В четырёх углах находились наблюдательные башни [Пан Хакпон (б), 2006, с. 215].

Во время раскопок траншейным методом обнаружено около 300 камней от фундаментов и круглых гранитных баз колонн с отверстиями посередине, собрано большое количество черепицы серо-голубого и красного цвета, иногда тёмно-серой с использованием глазури. Кроме того, найдены украшения конька крыши в виде изогнутого хвоста птицы *чивэй*; высота одного из них 2,1 м. Орнамент на черепичных дисках представлен в основном изображением цветка лотоса с четырьмя, шестью, восьмью и даже с двенадцатью лепестками, иногда встречается изображение-оберег в виде зооморфной личины [Ли Хёнгу, 2004, с. 246; Пукхан мунхва, 1991, с. 29].

По центральной оси Анхаккуна располагались в ряд внешний (для аудиенций), внутренний (для супруги правителя) и спальня дворца. В северо-восточном углу находился восточный дворец наследного принца, а к западу от главных построек — административные здания и помещения для прислуги. Обнаружены остатки пяти больших дворцов, меньших по размеру построек (21) и галерей (31) [Ли Хёнгу, 2004, с. 241].

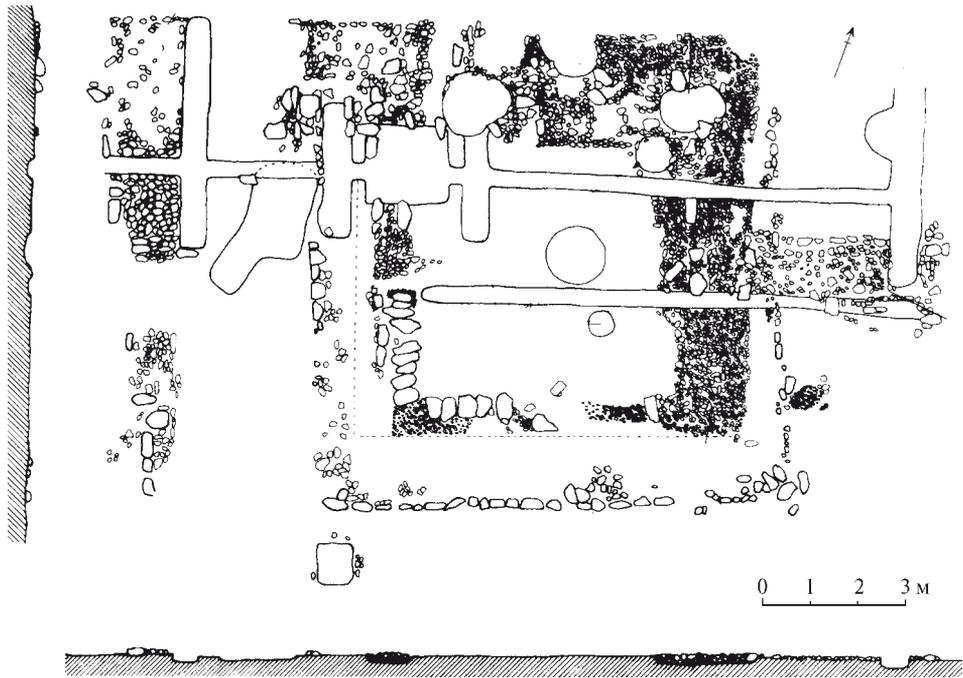

Рис. 1. План дворцовой постройки № 3 в Куннэ (по: Гонэйчэн... 2004)

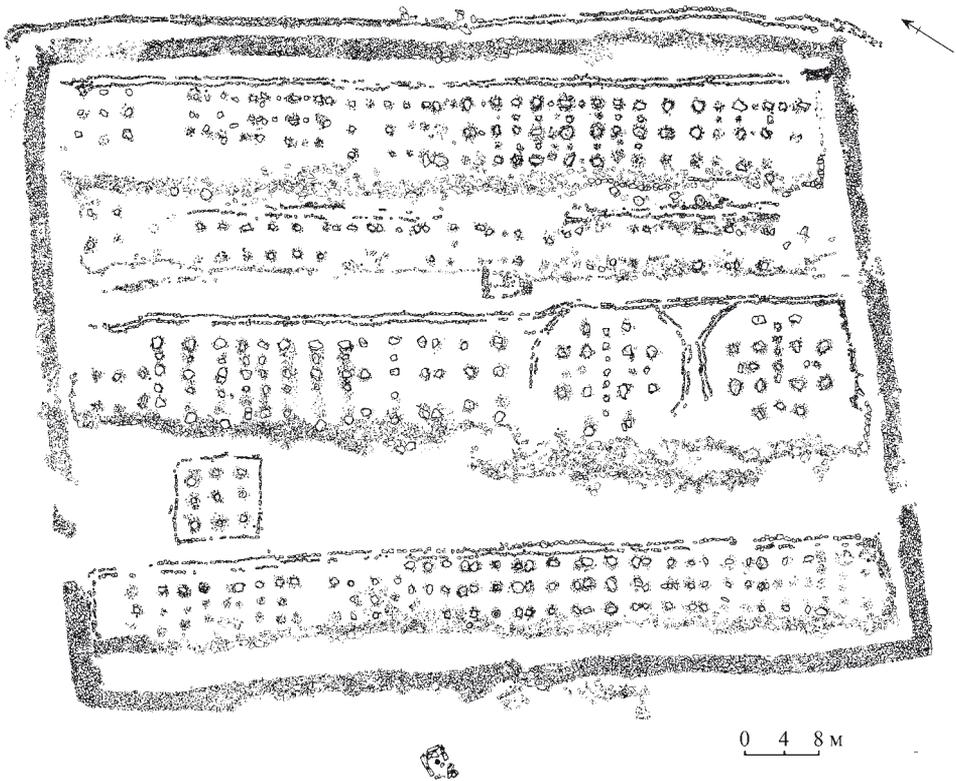

Рис. 2. План дворцовой постройки в Ваньду (по: Ваньду шанчэн... 2004)

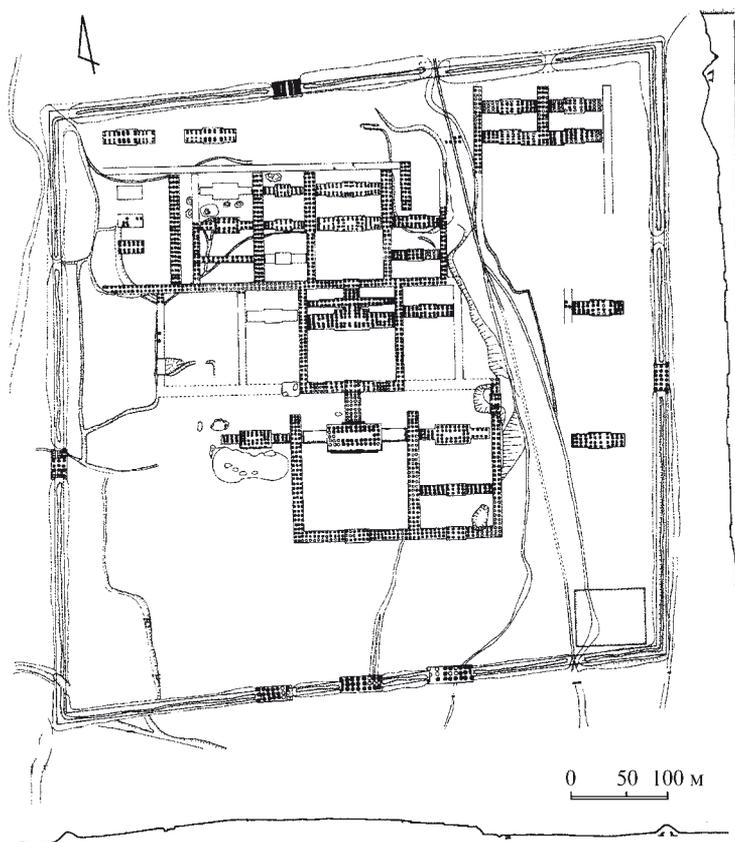

Рис. 3. План дворцового города Анхакун (по: Пан Хакпон, 2006)

Перепад высот между южными воротами и северным дворцом составляет около 20 м. Использование рельефа пространства внутри крепости давало эффект визуального увеличения размера зданий при взгляде с юга на север. Этот конструктивный приём является одной из особенностей Анхаккуна [Пан Хакпон (а), 2006, с. 199].

Известно, что длина внешнего дворца равнялась 50 м, ширина — 16,6 м. Внутренний дворец был самым крупным по размеру (90×33 м). Он стоял на двух платформах, на которых сохранилось 140 каменных баз колонн. По бокам здания имелись дополнительные пристройки. Не исключено, что основная конструкция могла быть двухэтажной [Пан Хакпон (а), 2006, с. 195; Ли Хёнгу, 2004, с. 242].

Все дворцовые постройки в Анхаккуне были соединены крытыми галереями, опиравшимися на деревянные столбы. Можно проследить некоторую особенность при сооружении галерей: при движении на север они постепенно сужаются, т.е. у южного дворца галерея широкая, а у северного — узкая. С восточной, западной, южной сторон первого дворца коридоры двухрядные, а позади дворца находилась четырёхрядная галерея с тремя линиями прохода. Эта самая широкая галерея, скорее всего, использовалась ваном для передвижения во дворец супруги [Пан Хакпон (а), 2006, с. 196]. Таким

образом, галереи чаще всего сооружались рядом с дворцами вана и служили для его скрытного перемещения. Кроме того, они окаймляли внутренний город, что можно считать ещё одной особенностью архитектуры Анхаккуна.

Садово-парковое искусство Анхаккуна представлено тремя парками. «Золотой парк» находился в юго-восточном углу крепости. Он состоял из пруда, источник воды для которого начинался в горной крепости Тэсон. Другой сад был разбит между северной стеной крепости и северным дворцом, третий — между западными воротами и южным дворцом [Пан Хакпон (а), 2006, с. 197].

Дополнительным источником сведений о существовании парков в Корее могли быть данные письменных источников. Однако в «Самгук саги» Ким Бусик про сады и парки в Когурё не упоминает. Имеются данные о том, что в государстве Пэкче при правлении вана Му в 634 г. к югу от дворца вырыли водоём, по четырём сторонам его посадили ивы, посередине пруда насыпали островок, символизировавший гору духов Фанчжан. Тут же стояла Манхэру (Башня для наблюдений за морем). Сообщается, что эти пэкческие сооружения стали образцом для устройства пруда Анапчи с павильоном Имхэджон в Силла [Ким Бусик, 1995, с. 180].

Анапчи (Пруд лебедей и уток) сооружён в Кёнджу в 674 г. При правлении вана Мунму на дворцовой земле были вырыты водоёмы и сделаны искусственные горы, чтобы посадить сад. Там же разводили птиц ценных пород и удивительных зверей. К этому времени можно отнести заимствование такого важного элемента оформления китайского парка, как цветы *моран* (пионы). Известно, что около 630 г. супруга вана впервые увидела их на китайской картине [Ким Бусик, 2001, с. 146, 196]. По археологическим источникам можно предположить, что такие парки были и в комплексе Анхаккуна, образцом при их создании могли служить классические китайские сады.

После гибели Когурё часть его населения вошла в состав нового государственного образования Бохай (698—926 гг.), созданного тунгусо-язычными *мохэсцами*, у которых отсутствовала собственная традиция дворцовой и садово-парковой архитектуры. Она была воспринята ими как от китайцев, так и когурёсцев, как и часть других элементов культуры [Gelman, Boldin, 2005; Болдин, Ивлиев, 1997].

Остатки дворцовых построек обнаружены не на всех столичных городищах, тому могло быть несколько причин. Так, на начальном этапе развития Бохая, в период его конфронтации с Китаем, не было возможности отвлекать средства и силы на возведение дворцовых комплексов. Ничего похожего на подобные постройки не найдено на городище Аодунчэн (Старое владение), где, по предположениям археологов, находилась первая равнинная столица Бохая. Не было их и на территории крепости Чхонхэ, месте нахождения Южной столицы (уезд Пукчхон КНДР). Вероятно, ван в ней не жил, так как она располагалась недалеко от границы с Силла, что было весьма опасно.

В 742 г. столица Бохая была перенесена в Среднюю столицу. Исследователи считают, что её остатками является городище Сигучэн (уезд Хэлун провинции Цзилинь КНР). Это была первая столица Бохая, сооружённая по определённому плану и образцу столицы танского Китая г. Чаньань. Ка-

кое участие приняло в сооружении столицы когурёское население, неизвестно, однако необходимо учитывать, что эта территория была одной из зон его компактного проживания.

Столичная крепость состояла из двух частей. Внутренний город («дворцовый город») (рис. 4) находился в северной части внешнего. В плане он прямоугольной формы (370 × 190 м), несколько смещён к северной внешней стене [Син Чансу, 2007, с. 264; Пан Хакпон (б), 2006, с. 217]. Во время раскопок японские археологи обнаружили остатки пяти построек дворцового типа: три из них (№ 1, 2, 5) располагались по длинной оси городища, две другие (№ 3 и 4) находились справа и слева от центрального дворца (№ 2).

Южный дворец (№ 1) площадью 300 кв. м располагался на земляной платформе высотой 0,6 м, посредством крытой галереи (длина 36 м, ширина 4 м) и был соединён с центральным (№ 2) дворцом (платформа длиной 20 м, шириной 9 м). Эта постройка была окружена галереей и обращена фасадом на юг. Расстояние между центральным и северным (№ 5) дворцами около 80 м. Пространство внутреннего города разделено стеной, проходившей между дворцами № 5 и № 2 перпендикулярно длинной оси комплекса.

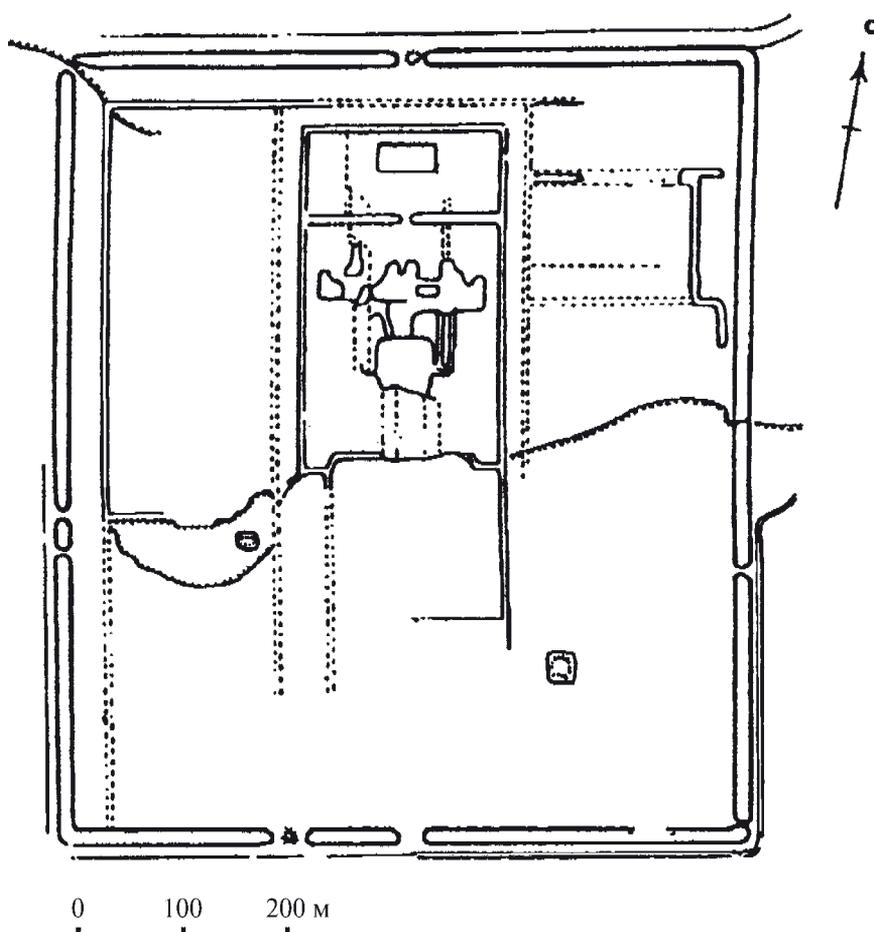

Рис. 4. План дворцового города Западной столицы (по: Син Чансу, 2007)

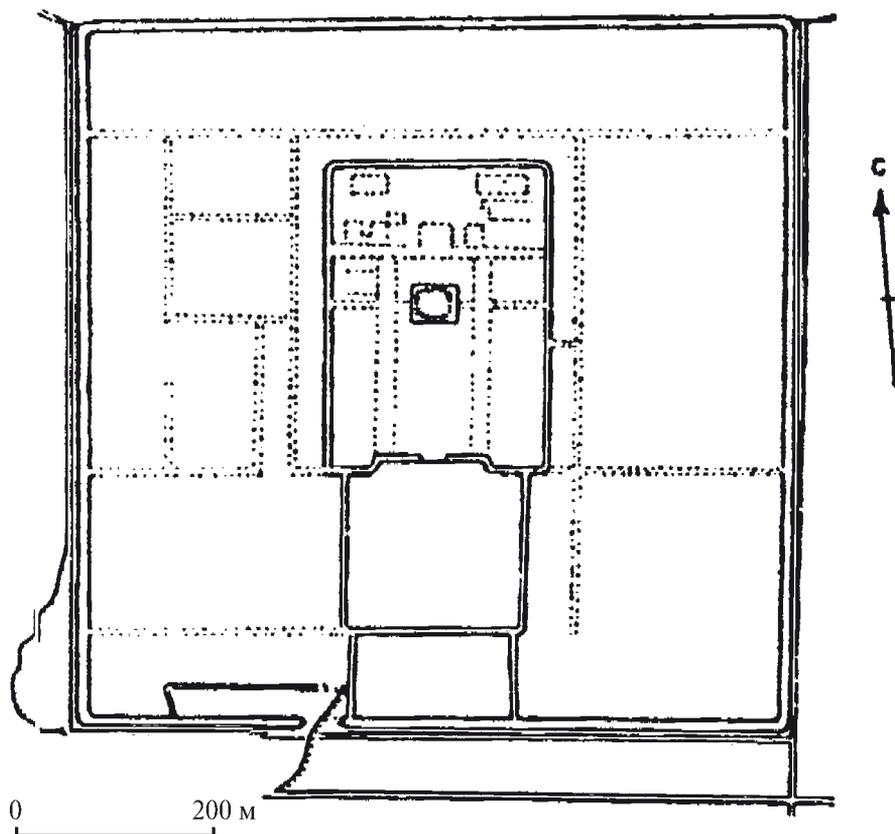

Рис. 5. План дворцового города Восточной столицы (по: Син Чансу, 2007)

В центре стены на осевой линии имелись ворота [Пан Хакпон (а), 2006, с. 190, 196—197; Болдин, Ивлиев 1997, с. 91].

Археологическая коллекция представлена большим количеством черепицы: глазурованной зелёного цвета, чёрного цвета, с орнаментом в виде волны и «павлиньего узора», а также с иероглифами. Дополнительным украшением крыш являлись керамические доски с изображениями зооморфных личин, коньковая *чивэй* и торцовая черепица с лotosовым и растительным орнаментом. Поверхность некоторых из баз колонн оформлена лепными глазурованными листьями лотоса зелёного цвета [Син Чансу, 2007, с. 264—265].

Парки Средней столицы находились слева и справа от линии, соединяющей южные ворота внутреннего и внешнего города. На юго-западе внутреннего города располагался пруд площадью около 1500 м² с искусственным островом (длина — 20 м, ширина — 18 м, высота около 0,5 м). В юго-восточном углу внутреннего города имела земляная насыпь (18 м × 15 м, высота около 0,4 м). Недалеко от неё был найден колодец. Скорее всего, на островке и насыпи располагались беседки [Пан Хакпон (а), 2006, с. 197; Болдин, Ивлиев 1997, с. 91].

Третий бохайский правитель ван Да Циньмао в 785 г. перенёс свою резиденцию в Восточную столицу. Остатки её обнаружены в районе г. Хун-

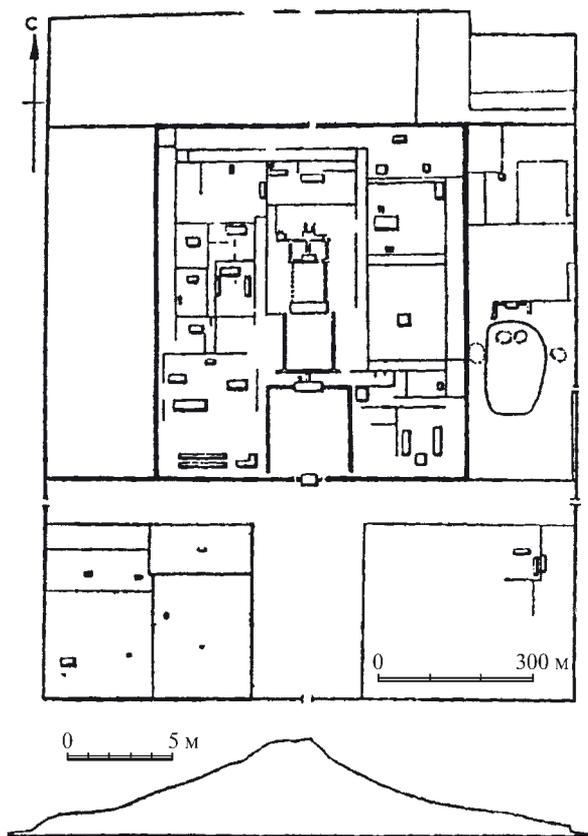

Рис. 6. План дворцового города Верхней столицы (по: Болдин... 1997)

чунь (пров. Цзилинь КНР). Городище состоит из двух частей. Внутренний город (рис. 5) в плане прямоугольной формы (длина — 218 м, ширина — 318 м) с тремя воротами разделён внутренними стенами на несколько участков. Найдены остатки дворцовых сооружений, одно из них располагалось на высокой платформе (45 м × 30 м, высота до 2 м). На её поверхности сохранилось несколько каменных баз колонн. К северу от фундамента здания обнаружили остатки галереи длиной 32 м, соединявшей дворец с тремя строениями. Кроме них, во внутреннем городе имелось ещё шесть сооружений меньшего размера.

На памятнике найдены базы колонн, кирпичи и разнообразная черепица, в том числе зелёная глазурованная с растительным орнаментом и иероглифами. Крышу украшали черепичные диски с лotosовым узором и в виде ветвей жимолости, а также коньковое украшение *чивэй* [Син Чансу, 2007, с. 266—267; Болдин, Ивлиев, 1997, с. 89].

На данный момент нет возможности говорить о существовании на территории внутреннего города Восточной столицы остатков садово-парковой архитектуры. По археологическим данным, дворцовый комплекс был незавершённым строением, так как обнаружены следы только одного относительно крупного сооружения дворцового типа, а остальные постройки оказались не столь значительными. Наивысшего развития дворцово-парковая архитектура Бохая достигла в середине VIII в., когда была сооружена

Верхняя столица. Создавая Верхнюю столицу по образу и подобию китайской столицы Чанъань, бохайские правители демонстрировали возросшую мощь Бохая.

Остатки Верхней столицы расположены рядом с г. Дунцинчэн пров. Хэйлунцзян КНР. Городище состоит из трёх частей, огороженных стеной. При этом дворцовый и «внутренний» город находились в центральном и северном районах внешнего города. Дворцовый город (рис. 6.) (длина 720 м, ширина 620 м) занимал площадь в 446,4 тыс. м² [Tung-ching-cheng, 1939; Окладников, 1957]. В южной и северной стенах дворцового города располагались ворота, из которых южные по традиции были главными. Три ряда каменных баз колон указывают на то, что они имели три проезда (ширина 2 м, длина 8,5 м) [Болдин, Ивлиев, 1997, с. 87]. Дворцовый город был разделён на восточный, западный и центральный районы (ширина первых по 157 м, центрального — 180 м). В ходе раскопок обнаружены остатки построек: 9 крупных — в центральном районе, 13 — в восточном и 17 — в западном [Пукханмунхва, 1991, с. 623].

Основу композиции образовали пять дворцов, располагавшихся друг за другом на центральной осевой линии. Представительный материал к изучению конструкции дворцовых сооружений дали остатки второго и пятого дворцов. Самый крупный из них — второй дворец, сооружённый на земляной облицованной камнем платформе (55,5 м × 24 м), высотой около 2,7 м. Основание насыпи оформлено орнаментированным кирпичом синего цвета. Рядом находились 7 каменных голов львов, украшавших верх фундамента. По центру с левой, правой и задней сторон находились лестницы. На поверхности платформы сохранились тщательно обработанные базы колонн: пять рядов (З-В) по 12 столбов (С-Ю); пол здания выстлан кирпичом. С двух сторон от главного здания, окружённого широкой галереей с двумя и тремя проходами, располагались пристройки площадью около 6 м² каждая, облик которых трудно реконструировать. Можно предположить, что это здание предназначалось для торжественных приёмов и официальных церемоний [Окладников, 1957, с. 204].

Пятый дворец погиб при пожаре. От фундамента (21,6 м × 15 м × 0,5 м) сохранилось 10 рядов баз колон вдоль и 6 рядов — поперёк насыпи. Окружённое галереей здание дворца состояло из внутреннего и внешнего помещения. Пол галереи и в комнатах был обмазан глиной. В помещениях обнаружены остатки двух канов с лежанками (2 × 1,5 м, высота около 30 см). По каналам-дымоходам через трубы дым выводился за пределы постройки. Недалеко найдена японская монета VIII в. Предполагается, что здесь находились спальни семьи вана. По бокам от основного дворца имелись ещё две пристройки с четырьмя базами колонн на каждой стороне. Северная комната одной из пристроек, вероятно, соответствует кухонному помещению, там обнаружены остатки обложенного кирпичами очага площадью 0,6 м² [Окладников, 1957, с. 205—206].

Сооружение южного и следующего за ним большого дворца (№ 2) в Верхней столице относится к периоду, когда у власти находился правитель Да Ичжэнь (830—857). Остальные три дворца более ранние — времени правления третьего бохайского вана Да Циньмао (738—794 гг.) [Им Сансон, 2006, с. 316].

Внутри дворцового города находились парки, предназначавшиеся для отдыха вана и знати. Самый большой из них «Золотой» парк (длина 218 м, ширина 327 м) располагался в восточной части комплекса. Он был окружён каменной стеной высотой до 2 м. В саду имелось озеро (длина 164 м, ширина 109 м), в центре его были два насыпанных островка. С восточной и западной сторон от водоёма воздвигнуты искусственные холмы. В организации паркового пространства соблюдался норматив китайской геомантии «высокого Севера и низкого Юга» [Белозёрова, 2001, с. 25].

Западный остров имел округлую форму (диаметр около 30 м, высота — 2,7 м). Здесь найдено 12 баз колонн и большое количество фрагментов зелёной глазурованной черепицы. Есть мнение, что на острове находилась восьмиугольная беседка. На восточном краю острова сохранились остатки мощёной дороги, которая, возможно, вела к мосту, соединявшему оба острова. Размер восточного острова, почти как у первого. Обнаруженные здесь базы колонн с вырезанным рельефом, плоская продолговатая черепица, мелкая зелёная глазурованная черепица, диски с лotosовым узором и коньковое украшение подтверждают мнение, что на острове находилась восьмиугольная беседка [Поносов, 1939, с. 7]. На искусственных холмах рядом с озером построек, вероятно, не было [Tung-ching-cheng, 1939, с. 34]. Это вполне соотносится с правилами геомантии, в соответствии которым постройки не должны вторгаться в зону восточного холма, ассоциирующегося с горой-черепахой, почитавшейся как прародительница Солнца [Белозёрова, 2001, с. 27].

На севере парка сохранилась платформа от восточного дворца (27,3×15,2, высотой 1 м). На её поверхности обнаружены остатки здания, имевшего 5 рядов колонн по 8 штук в каждой. От двух сторон дворца отходили галереи-коридоры. Одна галерея протянулась на 18 м в восточную сторону, где упиралась в квадратное здание (6 м²) с 4 рядами баз колонн на каждой стороне. Вторая галерея, протянувшаяся в западную сторону на 21 м, поворачивая на юг, через 18 м достигала здание такой же конструкции [Tung-ching-cheng, 1939, с. 13]. В южной части парка обнаружено большое скопление фрагментов черепицы и несколько баз колонн, на основании чего были реконструированы две небольшие постройки. На участке (1000×200 м), находившемся на севере от дворцового города, обнаружены колодец и следы парковых построек, но детальная информация отсутствует [Син Чансу, 2007, с. 261].

В китайской летописи «Ляоши» имеется интересное упоминание о наличии садов у бохайцев. Так, в начале XII в., когда чжурчжэни завоёвывали государство киданей, они захватили город, населённый потомками бохайцев, «...спокойно жившие более двухсот лет. [За это время они] разбили сады с прудами и насадили пионы, количество которых доходило до двухсот-трёхсот корней» [Е Лун-ли, 1979, с. 336]. Дворцово-парковая архитектура в государстве Когурё достигла высокого уровня, что видно на примере комплекса Анхаккуна. Идея его создания была заимствована когурёской верхушкой у Китая для поднятия престижа, удовлетворения своих эстетических потребностей. Однако наблюдаются некоторые отклонения от китайских канонов. Так, Анхаккун в плане имел ромбическую форму, но при этом был тщательно соблюден принцип китайской геомантии: на севере должна находиться гора,

а на юге — открываться широкая перспектива (река). Кроме этого, дворцовые здания стояли по оси север — юг с обращением главного фасада на юг.

Мохэсцы до образования государства не имели навыков в возведении дворцов и парков. С установлением мирных контактов между Бохаем и Танским государством началось активное заимствование у китайцев, давшее толчок развитию собственной бохайской культуры. Так, уже в Средней столице Бохая отсутствует принятый в когурёском градостроительстве принцип разновысотного размещения южных и северных построек. В этом можно увидеть отказ от террасной композиции, отражающей онтологическую доминанту вертикали в корейском искусстве, и усвоение принятой в китайском искусстве «горизонталь» [Белозёрова, 2001, с. 30]. Незавершённость столичного комплекса заметна и по галереям, расположенным только между первым и вторым дворцами. Судя по размеру построек, не был завершён и дворцовый город в Восточной столице.

После того как главным городом государства стала Верхняя столица, произошло окончательное сложение в Бохае устойчивых приёмов дворцовой и парковой архитектуры, основанных на копировании чанъаньских образцов. Дворцовые здания бохайских столиц соединялись между собой галереями. Самые широкие галереи Верхней столицы (до 14 м) состояли из трёх проходов и располагались между первым и вторым дворцами. Площади, образованные галереями у дворцов, как и сами галереи, при движении на север становились меньше, сужались. Один из дворцов находился чуть в отдалении и был ограждён каменной стеной. Сооружение таких обособленных дворцов можно считать особенностью бохайского дворцового строительства.

На некоторых базах имеется обрамление в виде зелёных глазурованных колец, защищавших от гниения основания деревянных колон. Судя по следам краски на гвоздях, можно предположить, что сами столбы были окрашены в красный (киноварь) или в зелёный цвет. Стены, вероятно, были покрыты белой известью. Крыша, как правило, имела приподнятую стрёху с четырьмя скатами. Покрытие из зелёной, иногда глазурованной черепицы украшали диски с лotosовым орнаментом, на многих имеются оттиски квадратных печатей с иероглифом. На коньке и на стрёхе находились глазурованные терракотовые украшения *чивэй* и зооморфные личины.

Бохайские парки, как и парки Северного Китая, отличались своей величественностью. Тем не менее «Золотой» парк был намного меньше парка Цзиньюань (13,5 × 11,5 км) в Чанъани. Стоит отметить, что в танской столице получили распространение дворцовые ансамбли, организованные по схеме «впереди дворцы и позади парки». Дворцовый комплекс Чанъани включал в себя три дворца и три парка, расположенные на одной оси [Лоу Цинси, 2003, с. 16]. В Верхней столице Бохая этот приём не наблюдается. Город стоял на широкой равнине, поэтому не существовало ограничений для масштабного строительства, хотя площадь дворцового города относительно невелика. Бохайский ван нередко проводил по отношению к Китаю независимую политику, однако в области ритуала необходимо было проявлять бóльший такт. Этим можно объяснить сооружение лишь одного дворцового комплекса. Но нельзя исключить и влияние экономических причин, ведь для сооружения дворцов и парков требовалось много средств.

В корейской историографии доминирует мнение, что государство Бохай полностью заимствовало культуру предшествующей когурёской эпохи. Проведённый анализ подтверждает наличие большого количества китайских элементов в дворцово-парковой архитектуре Бохая. Несмотря на скудность информации по Когурё, не стоит забывать, что и когурёские строители многое восприняли из Китая. Тем не менее для каждой культуры характерны самобытные черты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Болдин В.И., Ивлиев А.Л. Столичные города Бохая // Россия и АТР. Владивосток, 1997. № 3. С. 77—98.
2. Белозёрова В.Г. Сады Кореи и взаимодействие дальневосточных культур // Искусствознание. 2001. № 1. С. 20—43.
3. Воробьёв М.В. Древняя Корея: ист.-археол. очерк. М.: Восточная литература, 1961. 198 с.
4. Государство Бохай и племена Дальнего Востока России. М.: Наука, 1994. 219 с.
5. Е Лун-ли. История государства киданей = Цидань-го чжи. М.: Наука, 1979. 608 с.
6. Ким Бусик. Самгук саги: Летописи Силла. М.: Восточная литература, 2001. Т. 1. 600 с.
7. Ким Бусик. Самгук саги: Летописи Когурё. Летописи Пэкче. Хронологические таблицы. М.: Восточная литература, 1995. Т. 2. 768 с.
8. Лоу Цинси. Классические сады и парки Китая. Пекин: Межконтинент. изд-во Китая, 2003. 152 с.
9. Окладников А.П. Остатки бохайской столицы у г. Дунцзинчэн на р. Муданцзян // Сов. археология. 1957. № 3. С. 198—214.
10. Поносов В.В. Предварительное сообщение о разведке развалин Дунцзин-чэна // Archaeol. Orient., ser. A, vol. V. Tokyo-Kyoto: The Far Eastern archaeological society, 1939. 10 с.
11. Ваньду шанчэн = Горное городище Ваньду: Доклад об исследованиях и раскопках в 2001—2003 гг. горной крепости Ваньду в г. Цзиань. Пекин: Вэньу, 2004. 424 с. Кит. яз.
12. Городище Гонэйчэн: Доклад о раскопках в 2000—2003 гг. городища Гонэйчэн и памятника Миньчжуи в г. Цзиань. Пекин: Вэньу, 2004. 235 с. Кит. яз.
13. Им Сансон. Городская организация в Бохае и её особенности // Хангуксахакбо. 2006. № 24. С. 291—323. Кор. яз.
14. Ли Хёнгу. Пархэёнанэсо чхаджын хангук кодэмунхваый пимиль = Памятники культуры Древней Кореи на побережье Бохайского залива. Пхаджу: Кёхаып Мунбалли чхульпханданджи, 2004. 424 с. Кор. яз.
15. Пан Хакпон (а). Сравнительное изучение Средней столицы Бохая и Анхаккуна в Когурё // Пархэый юмуль юджок (чун). Сеул, 2006. С. 187—199. Кор. яз.
16. Пан Хакпон (б). Столицы Когурё и Бохая // Пархэый юмуль юджок (чун). Сеул, 2006. С. 201—228. Кор. яз.
17. Пукхан мунхва юджок пальгуль гэбо = Обзор результатов раскопок памятников культуры Северной Кореи. Сеул: Мунхваджэ ёнгусо, 1991. 643 с. Кор. яз.
18. Син Чансу. Пархэый сонгвак = Крепости Бохая // Пархэый ёксава мунхва. Сеул: Тонбука ёксаджэдан, 2007. С. 252—275. Кор. яз.
19. Gelman E.I., Boldin V.I. Koguryo's Influence on Parhae (Bohai) Culture // Journal of Inner and East Asian Studies. 2005. Vol. 1. P. 139—165.
20. Tung-ching-cheng. Report on the Excavation of the site of Capital of Po-hai. Archaeol. Orient., ser. A, vol. V. Tokyo-Kyoto: The Far Eastern archaeological society, 1939. 40 с.